Политическая лингвистика. 2024. № 6 (108).
Political Linguistics. 2024. No 6 (108).

УДК 81'38+81'42+81'27
ББК Ш105.51+Ш105.551.5+Ш100.621 *ГРНТИ 16.21.45; 16.21.51* *Код ВАК 5.9.5*

Лицюнь И
Пекинский университет, Пекин, Китай, yiliqun@pku.edu.cn, https://orcid.org/0009-0003-3921-3871

Хештеги как дискурсивная практика: дискурсивные механизмы и эффекты событизации #MeToo в эпоху Интернета

АННОТАЦИЯ. *В статье исследуется роль хештегов как дискурсивной практики в процессе событизации на примере глобального движения #MeToo. Выявляется общее у лингвистического и событийного поворотов для анализа хештегов как нового вида дискурсивной практики через призму переосмысления субъективности и публичной сферы. Статья раскрывает концепт «событизация», разграничивая традиционное восприятия понятий «событие» и «событийность» в философии и социологии. Основное внимание уделяется дискурсивным механизмам, через которые движение #MeToo стало масштабным социальным событием. В рамках конструктивной стадии анализируются различные типы, функции, позиции и стили хештегов, создающих основу для публичного дискурса и социальной солидарности. На стадии распространения подчеркивается глобальная адаптивность хештегов, обеспеченная их лаконичностью и универсальностью. Интерактивная стадия демонстрирует, как хештеги помогают поддерживать и продвигать общие цели, служат основой для обсуждений и конкуренции мнений, а также создают возможность для обобщений и оценок. Далее рассматриваются дискурсивные эффекты хештегов в событизации #MeToo, в частности, трансформация восприятия гендерного насилия и усиление общественной солидарности. Хештеги в собызации #MeToo представляют собой значимый пример трансформации традиционных дискурсивных практик и проявления эффекта событизации в цифровую эпоху. Хештеги не раз сыграли и будут играть значительную роль в изменении структуры власти и восприятии стереотипа, что открывает новые возможности для анализа сетевых дискурсов и культурных трансформаций в эпоху Интернета.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *хештеги, событизация, движение MeToo, дискурсивная практика, субъективность, публичная сфера, политическое событие, событийность, событийный поворот, лингвистический поворот, гипертекст, политическая коммуникация, политический дискурс, Интернет, интернет-пространство, интернет-технологии, интернет-коммуникация, социальные сети, интернет-дискурс, интернет-тексты, интернет-ресурсы.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *И Лицюнь, кандидат филологических наук, постдокторат, младший научный сотрудник, Школа иностранных языков Пекинского университета; 100091, Китай, г. Пекин, район Хайдянь, улица Ихэюань, № 5; email: yiliqun@pku.edu.cn.*

БЛАГОДАРНОСТИ. Статья подготовлена при поддержке Национальной финансируемой программы постдокторских исследований КНР, грант № GZC20230101.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *И, Лицюнь.* Хештеги как дискурсивная практика: дискурсивные механизмы и эффекты событизации #MeToo в эпоху Интернета / Лицюнь И. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 6 (108). — С. 195-202.

Yi Liqun
Peking University, Beijing, China, yiliqun@pku.edu.cn, https://orcid.org/0009-0003-3921-3871

Hashtags as a Discursive Practice: Discursive Mechanisms and Effects of the #MeToo Eventization in the Internet Era

ABSTRACT. *The article explores the role of hashtags as a discursive practice in the process of eventization, taking the global #MeToo movement as an example. It highlights the common features between the linguistic and the event-driven turns for analyzing hashtags as a new form of discursive practice that reinterprets subjectivity and the public sphere. The article explains the concept of "eventization", distinguishing the traditional perception of the concepts of "event" and "eventfulness" in philosophy and sociology. The article focuses on the discursive mechanisms through which the #MeToo movement evolved into a large-scale social event. In the constructive phase, the article analyzes the types, functions, positions, and styles of the hashtags, which serve as a foundation for public discourse and social solidarity. During the dissemination phase, the study emphasizes the global adaptability of hashtags, which is facilitated by their brevity and universality. The interactive phase demonstrates how hashtags support and advance shared goals, serve as a platform for discussions and competing opinions, and provide space for synthesis and reflection. The study then passes on to the discursive effects of hashtags in #MeToo's eventization, particularly regarding the transformation of gender violence perceptions and the strengthening of public solidarity. The hashtags in the process of eventization of #MeToo represent a significant example of transformation of the traditional discursive practices and a manifestation of eventization in the digital age. Hashtags have played a crucial role in altering the power structures and the perceptions of stereotypes, opening up new avenues for analyzing online discourses and cultural shifts in the Internet era.*

KEYWORDS: *hashtags, eventization, #MeToo movement, discursive practice, subjectivity, public sphere, political event, eventfulness, turn of events, linguistic turn, hypertext, political communication, political discourse, Internet, Internet space, Internet technologies, Internet communication, Internet discourse, Internet texts, Internet resources.*

© И Лицюнь, 2024

AUTHOR'S INFORMATION: *Yi Liqun, Candidate of Philology, Postdoctoral Researcher at the School of Foreign Languages, Peking University, Beijing, China.*

ACKNOWLEDGMENTS. The article has been written with financial support of the "National Funded Postdoctoral Research Program" of the People's Republic of China, Grant No. GZC20230101.

FOR CITATION: *Yi Liqun.* (2024). Hashtags as a Discursive Practice: Discursive Mechanisms and Effects of the #MeToo Eventization in the Internet Era. In *Political Linguistics*. No 6 (108), pp. 195-202. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

В начале XX в. в философии произошел лингвистический поворот. Он связан с переосмыслением понятия и роли языка, что обозначилось появлением одноименной антологии под редакцией Ричарда Рорти, приписавшим первое использование этого термина Густаву Бергману и проследившим развитие этой идеи с «Логико-философского трактата» Витгенштейна [Рорти 1976]. Основной посыл лингвистического поворота заключается в том, что язык не просто является средством выражения мысли, но и служит основой для конструирования, организации и определения реальности. При этом «сам язык становится центральной онтологической и гносеологической категорией» [Никоненко 2023]. Если «первый этап лингвистического поворота приходится на 1920-е годы и связан с попыткой реформировать язык или улучшить его путем устранения путаницы с целью решения философских проблем» [Лебедева 2006], вторая волна работ лингвистического поворота «приходится на 1940–1950-е, когда проекты улучшения языка заменяются исследованием и описанием различных типов языка в его обыденном функционировании. Структурализм, герменевтика, лингвистическая философия акцентируют свое внимание на контекстах и предпосылках высказываний, на объективированных структурах языка вне связи с субъектом» [Филиппович 2002: 553]. В результате развивается непроизвольное отвержение и сопротивление идеологии и культурному дискурсу, что приводит к сопротивлению языковым играм и возвращению к самим вещам.

К. Спеллмейер так характеризовал сложившуюся ситуацию: «Для тех из нас, кто больше не очарован магией и мифологией символизма, какие пути открываются, чтобы мы смогли выйти за пределы состояния „пост-" эпохи? Нам необходим именно поворот парадигмы: мы можем оставить скучную идеологию „текста" и приступить к освоению иной области — реального мира, где мы можем накопить опыт, что сделает нас зрелыми и сильными. Эта иная область — это повседневная перцептивная жизнь, которая является не „результатом" нашей мысли, а ее основой» [Spellmeyer 1996]. Таким образом, в XXI в. набирает особенную популярность событийный поворот, который представляет собой новое направление и акцентирует внимание на уникальности и непредсказуемости реальных «событий».

Как известно, находясь под сильным улиянием постструктурализма и постмодернизма, практически невозможно вернуться к исходному миру, незапятнанному идеологией и культурным дискурсом, так как настоящий мир наполняется языковыми символами. Кроме собирания не затронутых языком событий, мы думаем, также перспективны исследования на основе теоретических подходов обоих вышеуказанных направлений. Первое из них помогает понять, как события конструируются через дискурс и наделяются смыслом, а второе подчеркивает значимость непредсказуемых феноменов, выходящих за рамки чисто дискурсивного анализа. В современных социолингвистических исследованиях, особенно при анализе общественных движений в социальных сетях, оба они играют важную роль: язык задает рамки для понимания события, а само событие инициируется особыми дискурсами. Как можно наблюдать, событизация в эпоху Интернета отличается от событизации доинтернетной эпохи мгновенным вовлечением и активным участием пользователей в глобальных дискуссиях, где хештеги играют ключевую роль как новая дискурсивная практика. В статье рассматриваются дискурсивные механизмы и эффекты событизации в эпоху Интернета, особенное внимание уделяется тому, как хештеги конструируются, распространяются, взаимодействуют и влияют на событизацию. Примером для рассмотрения в этой статье служит движение #MeToo, которое развилось в событие и в то же время зависит от дискурсивных практик, выходящих за пределы простого лингвистического анализа.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СОБЫТИЗАЦИИ

Не все происходящее может быть квалифицировано как «событие». Для разъяснения скрытого отношения «Бытия и времени» Мартин Хайдеггер использует термин «событие» в контексте «деструкции метафизики»: «Мир присутствия есть совместный-мир. Бытие-в-мире есть со-бытие с другими» [Хайдеггер 1927: 118]. «Событие (нем. Ereignis) „особляет" все, что приобретает бы-

тийственное значение, дарует всему являющемуся его собственную сущность, неповторимую и единственную: явление событийно в том смысле, в каком оно принадлежит самому себе» [Степин, Семигин 2010: 583]. По мнению Хайдеггера, событие подразумевает момент, когда бытие становится видимым или открывается. Жиль Делез подходит к понятию события через призму динамики и взаимодействия различных потоков: «…любое событие подразумевает момент собственного осуществления в настоящем, когда оно воплощается в состоянии вещей, в индивиде или личности» [Делез 2011: 198]. В своей монографии «Бытие и событие» Ален Бадью определяет событие как что-то, что нарушает существующий порядок и создает возможность для нового знания и изменений: «…событие порывает с устойчивостью, разрушает видимую стабильность и правильность; оно может предстать прорывом в будущее или, напротив, вторжением прошлого, отрицаемого или подавляемого» [Федорова 2019: 41]. И так философская концепция событийности была введена «в контексте отказа от линейной версии прочтения исторического процесса», как нечто, «фиксирующее в своем содержании историческую темпоральность, открытую для конфигурирования в качестве релятивно-плюральных причинно-следственных событийных рядов, развернутых из прошлого — через настоящее — в будущее» [Можейко 2001: 784]. И по мнению философов, «событие» имеет некоторые специфические характеристики, такие как: событие — это внезапное, травмирующее и непредсказуемое вмешательство, которое нарушает первоначальную причинную логику и историческое повествование; событие — это невыразимое, необъяснимое явление, которое находится за пределами разума. Оно не может быть полностью объяснено или приписано причине или цели, его можно только пережить или засвидетельствовать. Таким образом, события традиционно рассматриваются как происшествия в определенных местах, времени и семантике, которые нетривиально влияют либо на наше общество, либо на природу, такие как землетрясения, гражданские беспорядки, системные сбои, пандемии, преступления и т. д. Что касается событий, звучат утверждения, что нам только можно надеяться предвидеть их возникновение заранее, чтобы уменьшить потенциальные социальные потрясения и причиненный ущерб.

А под публичным пространством Ханна Арендт подразумевает место, где «человек становится гражданином, участвует лично в обсуждении общественных дел, публично выражает свое мнение и обменивается им с другими гражданами, где различия признаются без насилия или принуждения» [Арендт 2000: 215]. Перекликаясь с ней, Юрген Хабермас рассуждает о современной публичной сфере как о «множестве различных подсфер, которые не могут быть администрированы и заключены в замкнутые общности, сводимы к некому одному пространству» [Habermas 1992: 426]. Он считает, в этом контексте публика может контролировать и ограничивать государственную власть и события являются важным содержанием в публичной сфере, которое может стимулировать участие и обсуждение людей, а также формировать общественные проблемы и гражданское общество. «Лингвистические действия, такие как обещания, декларации и приказы, обладают силой не просто описывать реальность, но и порождать новые обязательства и социальные факты. Таким образом, языковые акты становятся событиями, создающими новую реальность» [Searle 1969]. Посредством дискурсивной практики события обретают социальное и политическое значение в публичной сфере. И в эпоху Интернета сетевое пространство представляет собой новую публичную сферу и современные техники упрощают и даже обновляют способы дискурсивной практики, что позволяет изменить традиционные представления о понятии события.

В отличие от событийности, описывающей сущностные характеристики события, в этой статье событизация определяется как социальный процесс, в котором с помощью дискурсивной практики в публичной сфере что-то становится событием (то есть приобретает значимость, выходящую за рамки обычного). Если склонность к событийности относится к процессу искусственного разделения и упрощения человеком динамических изменений сложного мира для облегчения понимания и анализа, то событизация относится к процессу, когда субъекты активно подтверждают и создают дискурсами «события», придавая чему-то значимость путем сознательного выбора, определения, объяснения, воспринимания, интерпретации и оценивания публичных тем. С этой точки зрения событие является не столько внезапным, травматическим и непредсказуемым вмешательством, сколько конструктивным и перспективным, которое нарушает изначальную причинно-следственную логику и исторические нарративы, порождая новые позитивные возможности и последствия. «Истина единственно конституируется разрывом с порядком, который поддерживает ее, но никогда не является результатом самого порядка.

Я назвал этот тип разрыва, который открывает истины, „событием“» [Бадью 1988]. И именно «субъект является борцом истины. Я философски нашел понятие „борец“ (militant) тогда, когда существовало согласие относительно того, что любое вовлечение подобного типа является архаичным. Я не только нашел это понятие, но и значительно расширил его» [Сморгунов 2012: 14]. Событие — это субъективное и подлинное существование, которое требует от нас делать выбор и принимать решения, а не пассивно принимать происходящее или адаптироваться. Разумеется, в эпоху Интернета это основывается на стимуле к тому, чтобы каждый из нас смог действовать как борец за истину посредством дискурсивных практик как субъект в событизации.

ДИСКУРСИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ СОБЫТИЗАЦИИ #MeToo

Хештег (англ. hashtag) — ключевое слово или несколько слов сообщения, тег (пометка), используемый в микроблогах и социальных сетях, облегчающий поиск сообщений по теме или содержанию и начинающийся со знака решетки. «Популярность хештегов выросла одновременно с ростом популярности Twitter. Это вдохновило Криса Мессина, которого сейчас называют отцом хештегов, предложить подобные системы, чтобы помечать темы, представляющие интерес в микроблогах сети» [Паркер 2011]. Он скоро стал практикой стилизации записей для сообщений в Интернете на международном уровне. В отличие от чистых слов и выражений, хештег выполняет не только языковую функцию, но и роль цифрового маркера. Хештег в цифровом пространстве является активной ссылкой, ведущей к потоку контента на заданную тему. Он создает тематическую сетевую структуру и объединяет людей вокруг темы или дискурса. Хештеги создаются и интерпретируются коллективно. Пользователи могут наполнять хештег смыслом, придавать ему значение и изменять его. Смысл хештега развивается через его использование, и каждый новый контент под хештегом влияет на его восприятие. Можно сказать, хештег — это не просто слово или выражение, а новая дискурсивная практика, создающий целые дискурсы. В статье проводится анализ событизации хештегами #MeToo как пример для анализа дискурсивного механизма событизации, то есть рассматривается функционирование хештегов как дискурссивная практика на трех стадиях событизации MeToo.

Первым этапом в процессе событизации становится конструктивная стадия использования хештегов, на которой хештеги начинают формироваться и наполняться значениями, позволяя пользователям объединяться вокруг конкретных тем и высказывать свои взгляды. На этой стадии создается семя событизации, иными словами, ядерный дискурсивный хештег #MeToo (#ЯТоже), что проводит к созданию большого числа коррелятивных хештегов. Чтобы понять, как именно хештеги работают и формируют уникальные социальные контексты, рассмотрим каждый из следующих аспектов.

1. Типы хештегов. Различные типы хештегов показывают, как пользователи выбирают формы выражения в зависимости от целей и аудитории.

(А) *Знак решетки + Прямое цитирование существующих слов или выражений*: такие хештеги, как #SexualHarassment (#СексуальноеДомогательство), используют узнаваемые и уже известные слова или словосочетания, чтобы подчеркнуть важность проблемы. Этот тип позволяет людям быстро распознать, о чем идет речь, особенно если слова имеют особое значение или связаны с движением.

(Б) *Знак решетки + Создание новых слов или сокращений*: хештеги вроде #MMIW (Missing and Murdered Indigenous Women, #Пропавшие без вести и убитые женщины-аборигены) — вводят новые аббревиатуры, что позволяет создать специфическую терминологию для обсуждения темы. Такие хештеги часто используются, чтобы обобщить длинные названия или сложные темы и облегчить их запоминание и использование. Сокращения, как правило, уникальны и могут включать дополнительные культурные смыслы.

(В) *Знак решетки + Фразы или короткие предложения*: хештеги типа #IBelieveHer (#ЯВерюЕй) представляют собой целостные выражения поддержки или утверждения. Они чаще всего привлекают внимание и вызывают эмоциональный отклик, потому что прямо выражают мнение или позицию, с которой легко согласиться или которую можно легко поддержать.

2. Функции хештегов. Функциональные различия показывают, как хештеги могут формировать разные виды взаимодействия и обсуждения.

(А) *Выражать отношения*: такие хештеги, как #Timesup (#ПораДействовать), создают общий контекст и обозначают предмет обсуждения. Они дают людям возможность подключаться к теме без необходимости выражать личное мнение, что особенно важно для тех, кто только хочет наблюдать или собирать информацию.

(Б) *Поощрять повествование*: хештеги вроде #MeTooStory (#ЯТожеИстория) позволяют пользователям делиться личными историями и опытом, добавляя индивидуальное измерение к общественному дискурсу. Эта функция хештегов помогает индивидуальным голосам стать частью коллективного опыта.

(В) *Высвобождать эмоции*: такие хэштеги, как #AngryWomen (#ЗлыеЖенщины), выражают гнев и разочарование женщин в ответ на гендерное неравенство и дискриминацию. Они часто привлекают людей, испытывающих схожие чувства, и могут создать более напряженный или полемический дискурс, особенно если тема вызывает сильные эмоции.

3. *Позиции хештегов*. Позиция хештега показывает, какую идеологическую или эмоциональную окраску он приобретает в процессе использования.

(А) *Позиция поддержки*: хештег #Believe Survivors (#ВеритьВыжившим) используется для выражения солидарности и поддержки пострадавших. Это помогает привлечь сторонников и объединить людей с похожими взглядами, создавая позитивное пространство для взаимопомощи и понимания.

(Б) *Противоположная позиция*: хештег #AngryWomen (#ЗлыеЖенщины), в зависимости от контекста, может выражать критику и противопоставление настоящему статусу. Такие хештеги часто привлекают людей, которые хотят выразить несогласие или критику, способствуя полемическому обсуждению.

(В) *Нейтральная позиция*: хештеги вроде #ConsentEducation (#ОбразованиеОСогласии) служат для обсуждения без явной позиции вопросов, связанных с обучением и просвещением на тему согласия в разных контекстах — от личных границ до сексуальных отношений и профессиональных сред. Они удобны для тех, кто хочет говорить о проблеме без определенного идеологического окраса, и также для тех, кто хочет собрать объективную информацию.

4. *Стили хештегов*. Стилизация хештегов важна для привлечения разной аудитории и передачи нужного эмоционального оттенка.

(А) *Серьезный*: хештеги, такие как #Rape Culture (#КультураИзнасилования), создают чувство срочности и акцентируют серьезность обсуждаемой проблемы.

(Б) *Юмористический*: #HimToo (#ОнТоже) изначально поддерживал мужчин, ставших жертвами насилия или ложных обвинений, но со временем также использовался с сарказмом и иронией, часто высмеивая чрезмерную тревогу вокруг мужчин, якобы несправедливо обвиненных, или маминых страхов за сыновей. Юмористический стиль может привлекать новую аудиторию, хотя он также может вызвать неоднозначную реакцию и способствовать поляризации мнений.

(В) *Нейтральный*: хештеги типа #MeToo Maybe (#MeTooМожетБыть) обладают двусмысленностью и гибкостью в интерпретации. Они часто приглашают пользователей поразмышлять или усомниться, оставляя место для различных точек зрения. Неопределенность может быть полезной для вовлечения тех, кто еще не определился с позицией по теме.

На этой стадии хештеги становятся рядами дискурсов, с помощью которых индивидуальные переживания и мнения обретают коллективный вес, превращаясь в социальные маркеры, выражающие поддержку, протест или нейтральное обозначение темы. Конструктивная стадия хештегов отражает начальную фазу событизации, когда личные истории и отдельные мнения складываются в единый дискурс, что позволяет хештегам выйти на уровень массового движения и стать частью глобального обсуждения.

Стадия распространения хештегов в процессе событизации представляет собой второй этап, на котором хештеги выходят за рамки локального использования, приобретая глобальное значение и становясь мощным инструментом трансляции идей, который понятен и доступен широкой аудитории. В отличие от традиционных дискурсивных практик, которые зачастую многословны и требуют контекстуального объяснения, хештеги обладают лаконичностью, многозначностью и универсальностью, что делает их удобными для быстрого восприятия и гибкого толкования. Благодаря своей сжатой форме и яркости, хештеги становятся многоязычным и многокультурным феноменом: они не требуют сложного перевода, легко адаптируются и понимаются пользователями по всему миру, независимо от культурных различий. Эта глобальная лаконичность позволяет хештегам распространяться по цифровым платформам и становиться дискурсами межкультурного диалога и солидарности, соединяя людей из разных стран в рамках единого социального движения.

Самым ярким примером является распространение ядерного дискурсивного хештега #MeToo. Вскоре после его появления в 2017 г. его начали использовать миллионы людей по всему миру, а медиа освещали движение на всех континентах. Это движение быстро стало важной частью общественных обсуждений в таких странах, как Франция, Италия, Индия, Южная Корея и Китай, где хештег был адаптирован и локализован, обрел новые формы и способы вы-

ражения. В Индии #MeToo возник под универсальным англоязычным хештегом #MeTooIndia (#ЯТожеИндия). В рамках этого движения большое внимание уделялось сексуальным домогательствам и насилию в медиаиндустрии и других отраслях, что привело к широкомасштабному общественному резонансу и разоблачениям известных личностей. В Южной Корее движение #미투 («Я Тоже» по-корейски) стало особенно значимым, когда одна из прокуроров страны публично рассказала о домогательствах, что побудило других делиться схожими историями. Этот хештег охватил множество сфер, включая политику, культуру и религию. В Китае движение #MeToo сталкивалось с цензурой, и участники использовали адаптированный каламбурный хештег #米兔 (в переводе означает «рисовый кролик» — его произношение похоже на английское выражение), применявшийся в обход блокировок среди молодых пользователей социальных сетей, особенно в университетах. Во Франции #MeToo был представлен как #BalanceTonPorc (#РазоблачиСвоегоОбидчика), что вызвало множество дискуссий о сексуальных домогательствах и сексизме на рабочем месте. В Италии появился #Quella VoltaChe (ВТотРазЯ), позволяющий женщинам рассказывать свои истории.

Видно, что на стадии распространения хештеги в процессе событизации приобретают особую значимость, отличаясь от традиционных дискурсивных практик тем, как они облегчают, ускоряют и глобализируют распространение информации и формирование общественного мнения. Традиционные дискурсивные практики требуют от аудитории больше времени и внимания; предполагают относительно более узкий и определенный контекст, требующий пояснений и подробных аргументов. Они обычно нуждаются в профессиональных переводах и адаптациях и рассчитаны на аудиторию с определенным уровнем образования или доступом к информации. Благодаря своей универсальности и простоте хештеги могут легко распространяться через языковые и культурные барьеры. Они быстро переводятся и локализуются, что делает их доступными для восприятия людьми разных национальностей. Хештеги способствуют созданию самими пользователями как субъектами дискурсов локализованных версий глобальных движений, позволяя формировать новые сообщества и подгруппы, которые имеют значение «публичной сферы». На этой стадии распространения хештеги как дискурсивная практика успешно выполняют функции объединения, локализации и глобализации, чтобы субъекты охватывали новое публичное пространство и сами создавали «события» в динамичных, интернациональных и мультикультурных сообществах.

Интерактивная стадия хештегов в процессе событизации представляет собой третий этап, на котором социальные сети превращают хештеги в «публичную сферу» для разных дискурсов, выходящих за рамки простого распространения информации. На этой стадии хештеги играют свою роль по следующим подходам:

1. *Поддержать и продвигать*. Хештеги на этой стадии могут усиливать влияние друг друга, объединяя голоса выживших и союзников, поддерживая чувство общности и обеспечивая поддержку движению. Например, хештег #WhyIDidntReport (#ПочемуЯНеСообщила) стал важным для выживших, которые хотели объяснить, почему они не сообщали о своем насилии — ответ на риторику, обвиняющую жертв и ставящую под сомнение правдивость таких заявлений. Этот хештег использовался как ответ на поддержку Кристин Блейзи Форд, которая обвиняла Бретта Кавано, и стал важной частью движения #MeToo. Взаимодействуя с #IBelieveHer, эти хештеги поддерживали веру в пережитое жертвами и призывали к доверию к их заявлениям, бросая вызов культуре молчания и стигматизации.

2. *Обсуждать и конкурировать*. Хештеги также могут вступать в диалог и конкурировать друг с другом, выражая альтернативные мнения и подходы. Примеры таких хештегов — #HimToo и #NotAllMen (#НеВсеМужчины). Хештег #HimToo возник как реакция на опасения, что некоторых мужчин могут ложно обвинить в сексуальных домогательствах, а #NotAllMen стал ответом на #YesAllWomen (#ДаВсеЖенщины), который освещал проблему повседневного сексизма и домогательств, с которыми сталкиваются женщины. Эти хештеги ставили под сомнение обобщающие предположения, заявляя о необходимости различать обвинения в насилии и защиту невинных. Такая конкуренция и обсуждение создают пространство для диалога и дебатов, отражающих разнообразие и сложность вопросов, затронутых движением #MeToo.

3. *Обобщать и обозревать*. На этой стадии хештеги используются для осмысления и анализа достигнутого движением, чтобы подвести итоги, выделить результаты и наметить будущие цели. Например, #MeTooIn2018 (#ЯТожеВ2008) суммировал достижения движения в 2018 г., позволил участникам и наблюдателям оценить прогресс и влияние #MeToo. В свою очередь, #MeTooNext

(#ЯТожеСледующая) служил для осмысления будущих целей движения, включая необходимость системных изменений, создания культуры ответственности и профилактики сексуального насилия. Хештеги такого типа создают возможность для размышлений, анализа и целеполагания, объединяя участников движения в обсуждении его достижений и вызовов.

На интерактивной стадии хештеги становятся не только маркерами событий, но и динамичными дискурсами, формируя коллективное осмысление сложных социальных вопросов. Поддерживая, конкурируя и объединяя различные точки зрения, хештеги превращаются в мощную дискурсивную практику, которая позволяет пользователям формировать, оспаривать и развивать движение на глобальном уровне.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Дискурсивные эффекты событизации #MeToo являются ярким примером того, как хештеги могут трансформировать общественный диалог, влияя на восприятие социальных проблем и активизируя коллективные действия. Согласно данным социальных сетей и исследовательским отчетам, хештег #MeToo использовался более 19 млн раз по всему миру, охватывая около 85 стран. Более 50 стран и территорий запустили собственные кампании, инициативы и законодательные реформы, связанные с движением #MeToo. Международные организации, такие как ООН (Организация Объединенных Наций) и МОТ (Международная организация труда), после волны #MeToo внесли изменения в политику против домогательств и начали призывать страны к борьбе с насилием и дискриминацией на рабочих местах. На локальном уровне движение #MeToo побудило к появлению новых кампаний, таких как #NiUnaMenos (по-испански #НиОднойМеньше) в Аргентине, нацеленной на борьбу с насилием против женщин; движение #KuToo (созданный из слова «kutsu (обувь)» и «kutsuu (боль)») в Японии, выступающее против обязательного ношения высоких каблуков на работе. Таким образом, #MeToo не только трансформировалось в глобальное движение, но и породило множество локализованных кампаний, отражающих особенности разных культур.

В заключение можно отметить, что движение #MeToo продемонстрировало возможности гипертекстуального диалога в цифровом пространстве, где использование основных и производных хештегов способствовало формированию динамичного общественного дискурса и широкомасштабной социальной мобилизации. Основные хештеги, такие как #MeToo, #MeTooStory, #Believe Survivors и #TimesUp, позволили пользователям социальных сетей координировать взаимодействие, делиться личными историями, выражать солидарность и публично обсуждать проблему сексуального насилия, значительно усиливая коллективный голос и влияние движения. Опираясь на подход Мишеля Фуко, который подчеркивает, что дискурсы создаются в конкретных социальных и культурных условиях для достижения определенных целей, можно утверждать, что хештеги выступают как гибкое и мощное средство в современных дискурсивных практиках. Они не только повышают видимость социальных проблем, но и вовлекают различные аудитории, переплетая личные истории с общественным мнением и трансформируя традиционные структуры власти и восприятие публичных тем. Хештеги в рамках #MeToo демонстрируют беспрецедентную роль в дискурсивной практике и проявляют значительные эффекты для событизации в эпоху Интернета. Воплощая в себе механизмы гипертекстуального диалога, хештеги в публичной сфере выступают как конструирующие условия, обеспечивая «рефлексивность, открытый диалог и горизонтальный характер социальных связей, доступность и равное участие, автономность площадки дискуссии, отсутствие прямого государственного контроля, а также гибкость временной протяженности взаимодействия» [Habermas 1991: 91]. Хештеги как новая дискурсивная практика приобрели в современной медиасреде определенную значимость, влияние и заслуживают дальнейшего углубленного исследования.

ИСТОЧНИКИ

1. Можейко, М. А. Событийность / М. А. Можейко. — Текст : непосредственный // Постмодернизм : энциклопедия. — [Б. м. : б. и.], 2001.

2. Никоненко, С. В. Лингвистический поворот / С. В. Никоненко. — Текст : электронный // Большая российская энциклопедия : научно-образовательный портал — URL: https://bigenc.ru/c/lingvisticheskii-povorot-654e40/?v=5925796 (дата обращения: 15.10.2024).

3. Паркер, Э. Секретное рукопожатие в Twitter / Э. Паркер. — Текст : электронный // Культурология. — URL: https://www.nytimes.com/2011/06/12/fashion/hashtags-a-new-way-for-tweets-cultural-studies.html (дата обращения: 12.10.2024).

4. Степин, В. С. Новая философская энциклопедия / В. С. Степин, Г. Ю. Семигин. — Москва : Мысль, 2010. — Т. 3. Н—С. — Текст : непосредственный.

5. Филиппович, А. В. Лингвистический поворот / А. В. Филиппович. — Текст : непосредственный // История философии : энциклопедия. — [Б. м. : б. и.], 2002.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Арендт, Х. Vita Activa, или О деятельной жизни / Х. Арендт ; пер. с англ. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2000. — 437 с. — Текст : непосредственный.

2. Бадью, А. Бытие и событие / А. Бадью. — Париж : Порог, 1988. — 537 с. — Текст : непосредственный.

3. Делез, Ж. Логика смысла / Ж. Делез ; пер. с фр. Я. И. Свирского. — Москва : Академический проект, 2011. — 472 с. — Текст : непосредственный.

4. Лебедева, М. В. «Лингвистический поворот» в философии XX века / М. В. Лебедева. — Москва : ИПК РУДН, 2006.— 622 с.— Текст : непосредственный.

5. Сморгунов, Л. В. О событийности политики и политической реальности / Л. В. Сморгунов. — Текст : непосредственный // Политическая теория и политическая философия. — 2012. — Т. 8. — № 4. — С. 5–16.

6. Федорова, М. М. Событие: современные подходы к формированию понятия / М. М. Федорова. — Текст : непосредственный // Вопросы философии. — 2019. — № 6. — С. 40–49.

7. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер ; пер. с нем. В. В. Бибихина. — Харьков : Фолио, 2003. — 503 с. — Текст : непосредственный.

8. Castells, M. The rise of the network society, the information age: Economy, society and culture / M. Castells. — 2nd ed. — Cambridge, MA ; Oxford, UK : Blackwell, 2000. — 594 p. — Text : unmediated.

9. Gordon, D. Conversational postulates / D. Gordon, G. Lakoff. — Text : unmediated // Papers from the seventh regional meeting of the Chicago Linguistic Society / ed. by D. Adams and others. — Chicago : Chicago Linguistic Society, 1971.

10. Green, G. M. How to Get People to Do Things with Words: The Whimperative Question / G. M. Green. — Text : unmediated // Syntax and Semantics. — New York : Academic Press, 1975. — Vol. 3. — P. 107–141.

11. Habermas, J. The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a category of Bourgeois Society / J. Habermas. — Cambridge, MA : MIT Press, 1991. — 321 p. — Text : unmediated.

12. Habermas, J. Further Reflections on the Public Sphere / J. Habermas. — Text : unmediated // Habermas and the Public Sphere / ed. C. J. Calhoun. — Cambridge Mass. : MIT Press, 1992. — P. 425–429.

13. Rorty, R. The Linguistic Turn: Recent Essays in Philosophical Method / R. Rorty. — London : University of Chicago Press, 1967. — 393 p. — Text : unmediated.

14. Searle, J. R. Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language / J. R. Searle. — Cambridge University Press, 1969. — 203 p. — Text : unmediated.

15. Spellmeyer, K. After Theory: From Textuality to Attunement with the World / K. Spellmeyer. — Text : unmediated // College English. — 1996. — Vol. 58, Iss. 8. — 894 p.

MATERIALS

1. Ashley Parker. Twitter's Secret Handshake. *Cultural Studies*. Retrieved October 12, 2024, from https://www.nytimes.com/2011/06/12/fashion/hashtags-a-new-way-for-tweets-cultural-studies.html

2. Filippovich, A. B. (2002) Lingvisticheskij povorot [Linguistic turn] I*storiya filosofii: Enciklopediya.* Minsk, 1376 p. (In Russ.)

3. Mozhejko, M. A. (2001) SOBYTIJNOS [EVENTFULNESS]. *Postmodernizm. Enciklopediya*.

4. Nikonenko, S. V. (2024) Lingvisticheskij povorot [Linguistic turn].*Bol'shaya rossijskaya enciklopediya: nauchno-obrazovatel'nyj portal*. Retrieved October 15, 2024, from https://bigenc.ru/c/lingvisticheskii-povorot-654e40/?v=5925796. (In Russ.)

5. Stepin, V. S., & Semigin, G. YU. (2010) Novaya filosofskaya enciklopediya [New Philosophical Encyclopedia] *Tom tretij N—S*. Moscow, 578 p. (In Russ.)

REFERENCES

1. Arendt, H. (2000). *Vita Activa, ili O deyatel'noj zhizni* [Vita Activa, or On the Active Life]. Sankt-Peterburg, 437 p. (In Russ.)

2. Bad'yu, A. (1988). *Bytie i sobytie* [Being and Event]. Paris, 537 p. (In French)

3. Delez, J. (2011). *Logika smysla* [The Logic of Sense]. Moscow, 472 p. (In Russ.)

4. Lebedeva, M. V. (2006). *"Lingvisticheskij povorot" v filosofii XX veka* ["Linguistic turn" in the philosophy of the 20th century]. Moscow, 622 p. (In Russ.)

5. Smorgunov, L.V. (2012). O sobytijnosti politiki i politicheskoj real'nosti [On the eventfulness of politics and political reality]. *Politicheskaya teoriya i politicheskaya filosofiya, 8*(4), 5–16. (In Russ.)

6. Fedorova, M.M. (2019). Sobytie: sovremennye podhody k formirovaniyu ponyatiya [Event: modern approaches to the formation of the concept]. *Voprosy filosofii*, *6*,40–49. (In Russ.)

7. Hajdegger, M. (2003). *Bytie i vremya* [Being and Time]. Kharkov, 503 p. (In Russ.)

8. Castells, M. (2000). The rise of the network society, the information age: Economy, society and culture *(2nd ed.).* Cambridge, MA ; Oxford, UK : Blackwell, 594 p.

9. Gordon, D., & Lakoff, G. (1971). Conversational postulates. In D. Adams (Ed.), *Papers from the seventh regional meeting of the Chicago Linguistic Society*. Chicago: Chicago Linguistic Society.

10. Green, G.M. (1975). How to Get People to Do Things with Words: The Whimperative Question. *Syntax and Semantics*, *3*, 107–141. NY: Academic Press.

11. Habermas, J. (1991). *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a category of Bourgeois Society*. Cambridge, MA: MIT Press, 321p.

12. Habermas, J. (1992). Further Reflections on the Public Sphere. In Calhoun C.J. (Ed.), *Habermas and the Public Sphere* (pp. 425–429). Cambridge Mass.: MIT Press.

13. Rorty, R. (1967). *The Linguistic Turn: Recent Essays in Philosophical Method*. London: University of Chicago Press, 393 p.

14. Searle, J.R. (1969) *Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language*. Cambridge University Press, 203 p.

15. Spellmeyer, K. (1996) "After Theory: From Textuality to Attunement with the World". *College English*, *58*(8), 894 p.